

0458

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Сандра Мартон

ЕСЛИ ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА

Пыдай себе мечты

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Сандра Мартон

Если верить в чудеса

«Центрполиграф»

2013

Мартон С.

Если верить в чудеса / С. Мартон — «Центрполиграф»,
2013 — (Любовный роман – Harlequin)

Трэвис Уайлд совершенно случайно попал в этот сомнительный бар. Когда завсегдатаи довольно грозного вида собрались поразвлечься за его счет, дверь открылась и вошла она – красивая, нежная, сексуальная... И что такой девушке понадобилось в подобном заведении?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сандра Мартон

Если верить в чудеса

The Merciless Travis Wilde

© 2013 by Sandra Marton

«Если верить в чудеса»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Сколько Трэвис Уайлд себя помнил, вечера пятницы всегда посвящались только ему и его братьям. Они начали устраивать эти совместные посиделки еще со времен старших классов школы. При этом никто не делал официальных приглашений, никто не предлагал:

– Эй, а почему бы нам не начать собираться вместе по пятницам?

Это случалось само по себе – и после многих лет стало негласной традицией. Уайлды собирались вместе по пятницам, что бы ни происходило вокруг.

Правда, не всегда получалось собраться всем.

Один из них мог быть в отъезде по вопросам бизнеса. Калев – на том или другом берегу, разбираясь с клиентом по поводу очередного сложного случая из области корпоративного права. Джейкоб – в Южной Америке или в Испании, покупая лошадей для своего ранчо или же для «Эль Суэно», их семейной фермы. Трэвис – на встрече с инвесторами, где угодно – от Далласа до Сингапура.

Были и такие времена, когда один из Уайлдов оказывался в какой-то чертовой дыре, пытаясь выжить при исполнении роли первоклассного военного вертолетчика, шпиона или пилота реактивного самолета – того, кто в данный момент требовался военным силам США.

Было даже и такое, когда на пути вставала женщина...

Трэвис поднес бутылку пива к губам.

Но это происходило нечасто. Женщины – прекрасные загадочные существа, но братья... Братья – это святое. Общая кровь, общие воспоминания.

Одним словом, если не наступал конец света с четырьмя всадниками Апокалипсиса, если это был вечер пятницы и Уайлды находились не слишком далеко друг от друга, они искали бар, где пиво было холодным, стейки подавали с кровью и звучало энергичное кантри. Там они и устраивались, чтобы расслабиться пару часиков.

Но сегодняшнее место совсем не походило на привычные заведения.

Впрочем, как выяснилось позже, Трэвис был единственным из братьев, кто вообще намеревался прийти на встречу.

Изначально план был таков: собраться в баре, который они знали и любили, может, с несколькими ребятами из его офиса, посидеть в тихом месте с широкими диванами, хорошей музыкой, множеством местных сортов пива, в бутылках и на разлив, и стейками размером с Техас, приятно шипящими на открытом гриле.

Но этот план изменился, и в итоге Трэвис случайно оказался именно здесь.

Как только Трэвис узнал, что сегодня встреча не состоится, он немного покатался по округе и, проголодавшись, остановился у первого попавшегося заведения.

Здесь не было никаких диванов. Никакого кантри. Никакого местного пива. Никакого гриля со стейками.

Вокруг стояло лишь несколько обшарпанных столиков и стульев. Музыка, которая могла заставить мозг окоченеть, вырывалась из колонок. Предлагалось лишь два несчастных сорта пива. Бургеры, сочившиеся жиром, подавались из задней комнатки, называемой кухней.

Единственным, что украшало заведение, был бар – длинная оцинкованная поверхность, которая либо намекала на прошлые, гораздо лучшие времена, либо представляла собой мечты, так и не реализованные.

Трэвис прекрасно знал, что увидит внутри, еще когда останавливался на парковке среди мятых пикапов со ржавыми щитками над колесами, полудюжины «Харлеев», припаркованных вместе и похожих на стаю койотов.

Он также знал, чего точно не увидит.

Дружелюбных лиц. Красоток, словно сошедших со страниц модного каталога. Мишени для дротиков на одной стене и фотографий местных спортсменов на другой. Пива «Святой Амброзий» и стейков с кровью.

Войдя, Трэвис почувствовал на себе несколько подозрительных взглядов. Ничего другого он и не ждал – незнакомец в заведении, где все друг с другом если и не дружат, то по крайней мере много раз виделись.

Но внешне он сюда как раз вписывался.

Высокий – метр девяносто, стройный, с накачанными мускулами – результат долгих лет объезда лошадей и катания верхом на «Эль Суэно». Это их семейное ранчо площадью более двух тысяч квадратных километров в паре часов езды от Далласа. Занятия футболом в школе и колледже закалили его, а подготовка к вступлению в военно-воздушные войска довела его тело до совершенства.

В свои тридцать четыре года он каждое утро занимался в тренажерном зале своей квартиры в районе Тертл-Крик, почти каждые выходные ездил верхом и играл в футбол с братьями...

«Поправочка», – мрачно подумал он.

Когда-то они играли в футбол с Калемом и Джейкобом, но теперь у них не было времени на подобное. У его братьев теперь ни на что нет времени.

Трэвис приложил бутылку «Бада» к губам, сделал большой глоток и посмотрел на свое отражение в заляпанном зеркале за баром.

Холостяцкая жизнь. Полная свобода. Отсутствие ответственности за кого-либо и перед кем-либо, кроме себя.

Да, его братья решили попробовать устроить жизнь по-другому, и, видит бог, Трэвис желал им только добра. Но у него самого было плохое предчувствие насчет этой затеи.

Любовь – чувство эфемерное. Сегодня есть, завтра нет. Лицемерие в лучшем случае. Как его братья могли не усвоить этот урок жизни, Трэвис не понимал. Во всяком случае, он усвоил его сам.

Что снова возвращало к мысли о прежней пятничной традиции со стейками и пивом... И о единственной связи, которой можно было доверять.

Связи между братьями.

Трэвис убедился в этом еще в детстве, когда рос с Джейком и Калемом, а затем в колледже, когда играл в футбол, и в воздушных войсках – сначала в первые недели тяжелых, изматывающих тренировок, а потом – в маленьком, элитном кругу пилотов реактивных истребителей.

«Мужская солидарность» – модный термин, используемый в прессе. Но чтобы описать доверительную связь, соединяющую только братьев, не нужны красивые слова.

В этом и был смысл их пятничных вечеров.

Посидеть, поговорить ни о чем – о новом защитнике, с которым «Даллас ковбойз» подписали контракт. О шатком положении «Техас рейнджерс». О покере – игре, которую все они любили и в которой Трэвис был настоящим экспертом. И что больше достойно звания иконы – винтажный «форд-тандерберд» Джейка или «шевроле-корвет» 1974 года Трэвиса? И есть ли на свете человеческое объяснение того, почему Калек водит этот омерзительно новый «ламборджини»?

И конечно, они говорили и о женщинах. Хотя теперь Уайлды больше не разговаривают о них.

Трэвис вздохнул, снова поднес бутылку ко рту и выпил.

Калек и Джейкоб. Его родные братья. И оба женаты.

До сих пор не верится, но это правда.

Не далее как вчера он говорил с обоими братьями, напоминал – разве раньше им нужны были напоминания? – о том, что грядет пятница и они встречаются в семь в том баре возле его офиса.

– Договорились, – ответил Кaleb.

– Увидимся в пятницу, – сказал Джейк.

И вот он сидит здесь. Одинокaй рейнджер.

Он даже не был удивлен – не в обиду его невесткам.

Трэвису нравились и Эддисон, и Сэйдж. Он любил их так же, как и трех своих сестер, но чего скрывать? Брачное обязательство меняло все.

– Не смогу сегодня, Трэв, – заявил Кaleb после обеда по телефону. – У нас Ламаз.

– Кто?

– Не «кто», а «что». Подготовка к родам по методу доктора Ламаза. Занятия обычно по четвергам, но инструктор отменила прошлый урок, так что занятие будет сегодня.

Занятия по подготовке к родам. Его брат, акула корпоративного права, бывший агент разведки – и... занятия по подготовке к родам?

– Трэвис? – сказал Кaleb. – Ты здесь?

– Да, здесь, – поспешно ответил он. – Ламаз. Конечно. Ну, повеселись там.

– Ламаз – это не развлечение, чувак! Ничего, когда-нибудь сам узнаешь...

– Придержи язык!

Кaleb засмеялся:

– Помнишь домработницу, которая была у нас после смерти мамы? Ту, что говорила: «Сначала любовь, потом женитьба...»

Вспомнив тот разговор, Трэвис поморщился.

Какое отношение все это имеет к нему? Он больше не верил в любовь.

Теперь Трэвис прекрасно понимал значение фразы: «Я люблю тебя и буду ждать, когда ты вернешься». На деле это означает «Я подожду пару месяцев, а потом прыгну в койку к другому».

Плавали, знаем. Его первая командировка...

Впрочем, все это уже не важно. Он был молод, и любовь была лишь иллюзией...

Трэвис должен был давно понять это: в их семье мать тяжело заболела и умерла, а отец всегда был слишком занят спасением мира, чтобы побыть с ней или сыновьями...

Черт возьми, да что у него за настроение сегодня?

Трэвис поднял глаза, посмотрел на бармена и жестом попросил еще одно пиво.

Тот кивнул:

– Уже на подходе.

Звонок от Джейка последовал сразу за разговором с Кalebом.

– Эй, привет, – сказал брат. – В общем... – откашливаясь, произнес он. – Насчет сегодняшней встречи...

– Ты не сможешь.

– Нет. То есть да. В общем, не смогу.

– Потому что?..

– Ну, оказалось, Эддисон назначила нам встречу с... С этим парнем.

– С каким парнем?

– С обычным. Насчет наших дел, ну, ты знаешь – по перестройке дома.

– Я думал, это твоя работа. Расширение дома, дополнительные ванны, новая кухня...

– Так и есть, но этот парень, он... Он занимается другим.

– Например?..

– Господи, да ты отстанешь, наконец? Например, он рекомендует разные вещи.

– Вещи?

– Обои, – неохотно проворчал Джейк. – Ясно? Парень собирается притащить миллион образцов обоев, и Лапуля говорила об этом пару дней назад, но я забыл, и теперь уже поздно...

– Да, конечно. Без проблем, – сказал Трэвис.

Какое право он имел заставлять брата смущаться еще сильнее? Лапуля...

– На следующей неделе, – ободряюще произнес Джейк. – Хорошо?

«Хорошо, – подумал Трэвис. – Угу, как же».

На следующей неделе Кaleb будет на занятиях по детской отрывке, а Джейк начнет перебирать образцы ткани для обивки мебели.

Устройство дома не лучше Ламаза.

Ни тем ни другим Трэвис не хотел заниматься. Никогда!

Он любил свою жизнь такой, какая она есть, так что спасибо! Он живет в огромном мире, большую часть которого уже повидал, но пока не весь. Надо было еще много где побывать, сделать много разных вещей...

Вещей, которые, возможно, избавили бы его от привкуса войны и смерти...

И вот он в обшарпанном баре на окраине города.

Трэвис допил пиво. Не дожидаясь просьбы, бармен открыл бутылку и поставил ее перед мужчиной.

– Спасибо.

– Не видел вас здесь раньше.

Трэвис пожал плечами:

– Все бывает в первый раз.

– Хотите поесть чего-нибудь, пока кухня не закрылась?

– Да. Стейк, средней прожарки.

– Решать вам, но бургеры вкуснее.

– Ладно. Бургер. Средней прожарки.

– Может, картошку?

– Ну давайте! – Трэвис поднес бутылку к губам.

Пару недель назад братья спросили его, что с ним происходит? Не чувствует ли он себя не в своей тарелке?

– Да это вы не в своей тарелке! – ответил он и проворчал: – Женатые, живущие по распорядку...

– Иногда именно подобный распорядок и нужен мужчине, – сказал Джейк.

– Да-да, – добавил Кaleb. – Знаешь, может, сейчас самое время пересмотреть свою жизнь.

Пересмотреть его жизнь? Она нравилась ему и такой, большое спасибо!

Война изменила обоих его братьев. Джейк до сих пор боролся с «афганским синдромом». Кaleb же всегда находился в напряжении и, возможно, не избавится от него до самой смерти.

Но война не изменила Трэвиса!

Нет, конечно, были времена, когда он просыпался среди ночи с колотящимся сердцем, вспоминая о том, о чем человек вспоминать не хочет. Но затем следовали день в офисе, игра на бирже, последующая миллионная прибыль, ночь в кровати с новой сногшибательной красоткой, так же не заинтересованной в сне, как и он, – и вот Трэвис снова в порядке!

Может, в этом и была проблема? Давно у него не было женщин.

– Бургер, средней прожарки, с картошкой, – сказал бармен, отправляя огромную тарелку вдоль барной стойки.

Трэвис посмотрел на бургер. Огромный, прожаренный до состояния углей. Хорошо, он не был особо голоден...

Трэвис поковырялся вилкой в жареной картошке.

Заведение заполнялось. Почти все места у барной стойки были уже заняты. Как и столики. Клиентура состояла в основном из мужчин. Огромных. Брутальных. Почти у всех бороды, все в татуировках.

Некоторые из них оглядывали Трэвиса.

Он без стеснения отвечал на эти взгляды.

Трэвис успел посетить достаточно похожих на это мест. И не только в Техасе, но и в особо злополучных местах Восточной Европы и Азии. Так что Трэвис твердо знал: никогда не отводи взгляд первым!

Это и сейчас сработало.

Ему помогла и одежда: костюм от Бриони он сменил на старую серую футболку, потертые джинсы и пару сапог.

– Привет, милый.

Только что стул слева от него был пуст. Теперь уже нет. Там сидела блондинка, улыбающаяся так, будто только что выгащила совсем неожиданный подарок из-под новогодней елки.

Да она и сама была подарочком! Для кого-нибудь. Но точно не для него. Мягко говоря, девушка была не его типа.

Копна волос, выглядевшая так, будто бы она и не причесывалась вовсе. Макияж, который под вечер ей приходилось снимать саперной лопаткой. Тугая футболка, груди, мирно отдыхающие на животике, стянутом слишком узкими джинсами.

Этого уже достаточно.

Но Трэвис знал неписанный закон в такого рода заведениях. Если уж к тебе подошла девушка, ты обязан быть счастливым. Иначе она может и обидеться...

– Привет, – ответил он с натянутой вежливостью, и все внимание устремил в тарелку.

– А ты здесь новенький!

Трэвис откусил кусочек гамбургера, прожевывая его так, будто это было самым важным занятием в его жизни.

– Меня зовут Бэв.

Он кивнул и продолжил жевать.

Она подвинулась ближе, прижавшись к его руке своей необъятной грудью:

– А у тебя имя есть, ковбой?

И что теперь? Не самая лучшая ситуация. Что бы Трэвис ни предпринял, кроме, конечно, ответного флирта с Бэв, он нарвется на неприятности. Она почувствует себя оскорбленной, а ее приятели конечно же решат: самое время прийти на помощь.

Возможно, честность, вежливость и открытость будут лучшим решением проблемы?

Трэвис взял бумажную салфетку, вытер губы и повернулся к ней.

– Послушай, Бэв, – сказал он ласково. – Я не заинтересован, ладно?

Ее лицо покраснело, и он подумал: «Черт, что-то пошло не так...»

– То есть ты отличная девушка, но я... Я жду другую.

– Да ну? – холодно отозвалась Бэв. – Хочешь, чтобы я поверила, будто ты здесь на свидании?

– Именно. И она будет с минуты...

– Ты ждешь свою девушку, но есть начал без нее?

Парень по другую сторону от Бэв наклонился к ним.

Размером он был с небольшую гору и, судя по взгляду его малюсеньких глаз, уже был разгорячен и готов к традиционной пятничной потасовке.

Медленно, осторожно Трэвис отложил свой бургер и салфетку.

Гора был тяжелее его минимум килограммов на двадцать, а плотно сжимающая бутылку пива рука напоминала свиной окорок.

Это не проблема. Трэвис вырубал людей и побольше без всяких затруднений. Чем больше шкаф, тем громче падает. Да, но вот только у Горы здесь были друзья. Много.

«А ты, чувак, в полнейшем одиночестве!»

Голос разума.

Увы, Бэв не собиралась останавливаться. Теперь она обзывала его гнусным, мерзким лжецом, и ее тирада привлекла внимание еще нескольких друзей человека-горы. Каждый из них был счастлив помочь девушке отстоять свою честь, избив незнакомца, то есть Трэвиса, до состояния едва дышащего куска мяса.

«Плохо дело», – сказал голос разума.

Избиение – это нормально. К такому Трэвис давно привык. Но была одна проблема. На утро понедельника у него была назначена встреча во Франкфурте, связанная с важной сделкой, над которой он работал несколько месяцев. И что-то подсказывало ему – директора ультраконсервативной, трехсотлетней фирмы «Бернардт, Бернардт и Штутц» не слишком-то обрадуются финансовому эксперту с двумя чудесными фингалами, сломанной челюстью и, пожалуй, парой-тройкой выбитых зубов.

Черт возьми, да где братья, когда ты так нуждаешься в них?

– Мэм к тебе обращается, – проговорил человек-гора. Боже, как от него несло! – В чем дело? Ты оглох, что ли, милашка?

Вот и конец беседы. Люди вокруг начали улыбаться.

Трэвис ощутил всплеск адреналина.

– Меня, – начал он осторожно, – не «милашкой» зовут.

– Его «не милашкой зовут», – передразнил Гора.

Бэв, расплывшись в улыбке, соскользнула со стула.

Возможно, он ошибался? Возможно, провокация и была ее единственной целью?

В любом случае Трэвис понял: возможности его сужаются, и притом стремительно.

Защитник Бэв встал со стула.

– Ты совершаешь ошибку, – тихо произнес Трэвис.

Человек-гора лишь фыркнул.

Трэвис кивнул, выпил последний глоток пива, попрощался с конференцией в понедельник и тоже встал:

– Снаружи, на парковке? Или прямо здесь?

– Здесь, – прорычал Гора.

Три человека уже присоединились к ним. Трэвис улыбнулся. Возможно, он не простоит и пяти минут... Ну да, зато будет весело. Особенно учитывая его странное состояние сегодня.

– Отлично. Мне нравится.

После этих слов, ведущих к неизбежной драке, адреналин заполнил его с ног до головы. Он уже очень давно не участвовал в хорошей потасовке в баре. Со времен Манилы. Или даже Кандагара.

Да, точно, со времен Кандагара, его последнего задания. Окруженный там смертью...

Неожиданно избиение человека-горы предстало весьма привлекательной идеей.

И тут дверь с улицы раскрылась нараспашку.

По какой-то причине, которую Трэвис так и не смог себе объяснить, все в баре, до этого внимательно наблюдавшие за Горой и Трэвисом, повернулись к ней.

Горячий воздух Техаса ворвался внутрь.

А вместе с ним – и высокая, прекрасная, манящая, будто бы выпорхнувшая из глянцевого журнала блондинка.

Тишина. Полная тишина.

Все уставились на фотомodelь. Фотомodelь – на них. И побледнела.

– Ух, глянь сюда! – сказал кто-то.

«Уже глянул», – подумал Трэвис.

К нему действительно вернулась способность думать.

Вот и она! Его спасение.

– Наконец-то! – сказал он живо и весело. – Моя девушка!

Не дав никому времени на размышления, он подошел к ней с уверенностью человека, заполучившего все четыре туза в важнейшем матче по покеру.

Она слегка откинула голову. Девушка была высокой, особенно в этих сексуальных туфельках на высоченных шпильках.

– Твоя кто?.. – спросила она или спросила бы, но только он не мог позволить себе отступить.

– Солнышко, что же ты так долго?

Она округлила глаза:

– П-прости?..

Он ухмыльнулся.

– Если хорошо попросишь, – ответил Трэвис, и, до того как она успела сделать хоть что-то, он обнял ее, прижал к себе и поцеловал.

Глава 2

Дженни Купер сидела в своей древней «хонде», ведя серьезный разговор сама с собой. Было почти девять, снаружи лишь темнело, а она так и не начала исполнять свой план.

Смехотворный, разумеется. Дженни была женщиной с целью. Она искала бар. Нет, правда, насколько трудным может быть поиск бара в Далласе?

Очень трудным.

Ну, «очень» – если тебе нужен определенный тип бара.

Даллас был большим, просторным городом, и она проехала сквозь столько его улиц, что уже сбилась со счета.

Дженни начала с центральной улицы. Хотя тут и было множество баров, выбрать какой-либо из них оказалось не только трудно, но и попросту глупо. Слишком близко к ее университету.

Так что она поехала к Артс-Дистрикт. Этот район она знала, если, конечно, посещение пары галерей в дождливый выходной можно назвать «знанием»: за восемь месяцев обитания здесь Дженни так и не привыкла к городу. Однако, приехав сюда, она поняла – и этот выбор был ошибочен.

Артс-Дистрикт был модным местом, и Дженни сразу ощутила себя не в своей тарелке. Все же и эта улица была слишком близка к университету. Встреча с кем-то знакомым обернулась бы катастрофой.

Дженни остановила «хонду» у тротуара и приказала себе решать побыстрее, иначе ее план развалится на части.

Какие еще районы Далласа были поблизости?

Тертл-Крик.

Она только слышала об этом месте. Оно было домом для множества молодых, успешных, богатых людей.

«Ладно, – подумала Дженни, подавив нервный смех, – я хотя бы молодая».

Богатая? Не с ее лаборантской стипендией. Успешная? Не в сравнении с ними – докторами, адвокатами, финансовыми воротилами и акулами бизнеса.

О чем ей было разговаривать с человеком из этого общества, если бы, конечно, он хотя бы взглянул на нее? Если бы они вообще разговорились, учитывая, зачем все это было предпринято.

Понимание сверкнуло внутри ее молнией. Дженни поборолла эти чувства. Она не была испугана. Совершенно точно. Она... Она нервничала. А кто бы не нервничал? Она неделями планировала... это событие.

В пятницу вечером по барам собираются все холостяки.

«Собираются в поисках пары, милая Женестьева», – раздался ее обычно всегда такой умный и правильный внутренний голос.

– Они собираются, чтобы отдохнуть, – тихо проговорила Дженни, – и меня зовут не...

Хотя так ее и звали. Сегодняшней ночью. Она сама придумала себе имя: «Ты Женестьева. И не ври хоть себе. Сегодня ты собираешься не отдыхать, ты собираешься...»

Дженни перестала слушать.

Ее план был прост. Найти бар. Зайти внутрь. Заказать выпить. Выбрать мужчину, который ей понравится, пофлиртовать с ним...

Забывать о метафорах!

Ей нужно найти мужчину, достаточно симпатичного для того, чтобы затащить к себе в кровать.

– Перестань, – резко сказала она.

Она была взрослой женщиной. Ей исполнилось двадцать четыре года в прошлое воскресенье. Быть девственницей в ее возрасте стыдно. Даже хуже.

Никакой романтики. Дело не в романтике.

Никакой привязанности. Об этом и думать не стоило. У нее не было времени на привязанность, на страсть, на что-нибудь еще – кроме опыта.

Ради него все и затевалось.

Это было исследование. Изучение того, о чем она лишь читала.

Никакого отличия от того, что она уже делала в прошлом, катаясь из Нью-Гэмпшира в Нью-Йорк, чтобы написать диссертацию. Она была посвящена Стэнтону Койту, организовавшему благотворительное учреждение для мигрантов задолго до возникновения самого термина «социальный работник». Никакого отличия от той запланированной поездки в музей Чикаго...

В горле пересохло.

Не надо об этом!

Ее академические исследования скоро станут совершенно бессмысленны. Сейчас ей нужно провести исследование жизни, и, если такой дисциплины нет в списке, ее нужно ввести.

Дженни посмотрела в боковые зеркала, включила поворотник и тронулась с места.

Постепенно улицы стали меняться. Они стали уже, темнее, а дома – меньше. Они жались друг к другу, будто бы согреваясь темной техасской ночью.

Но зато вокруг было много баров. Очень много баров.

Дженни проезжала мимо.

Ни один не подходил. В одном месте было припарковано слишком мало машин. В другом – слишком много. В третьем – не те.

Ладно. Вот следующий бар будет Тем Самым. С заглавных букв. Тот Самый.

Она припаркуется, поправит прическу, макияж – она никогда еще не была так сильно накрашена. Кажется, он уже размазался...

Вот и он! Прямо перед ней. Бар достаточно правдиво назывался «Бар». Ну ладно. Это не было его названием. Просто описание, как надпись «алкоголь» перед магазином с алкоголем, или «мотель» перед мотелем, или...

«Господи, Женестьева, это бар!»

Она притормозила, включила поворотники, проверила зеркала, спокойно подождала, пока машина с другого конца улицы проедет мимо, и лишь потом свернула на парковку.

Там была куча машин. Единственное свободное место оставалось между исполинским блестяще-черным пикапом и побитым красным фургоном.

Дженни припарковалась между ними, открыла дверцу, проверила истертые белые полосы на асфальте, поняла – ей следует припарковаться по центру, закрыла дверцу, тронулась назад, переключилась, тронулась вперед, проверила еще раз, тронулась назад, проверила в последний раз, и порадовалась. Ей удалось припарковаться правильно.

Щелк, щелк, щелк. И тишина.

Гробовая тишина...

Она слышала, как стучит ее сердце.

Хватит!

Она быстро раскрыла свою сумочку от Диор, покопалась в ней, нашла косметичку.

Она потратила двадцать минут в бутике, нервно бегая между бесконечными стендами с косметикой, пока не остановилась у одного – консультант у него выглядела чуть менее бесподобно на фоне остальных.

– Чем могу вам помочь, мисс? – спросила консультант. – Подобрать основу? Румяна? Брови? Тени? Губы? Волосы? Кожа?

Перевод следовал бы такой: «Милая, с тобой работать и работать!»

Но улыбалась девушка мило, и Дженни, вздохнув, спросила, делают ли они пробный макияж?

Почти час спустя консультант – или, как она сказала, косметолог – взяла большое зеркало и предложила ей посмотреть.

Дженни посмотрела.

Что это за девушка с длинными светлыми волнами волос? Когда это ее бледные реснички стали такими темными и длинными? И эти пухлые губы, и эти скулы...

– Потрясающе, – только и смогла пробормотать Дженни.

Косметолог улыбнулась:

– Вот именно! Ваш молодой человек растает, едва увидев вас.

– Нет. То есть... В этом и дело. У меня нет...

– Итак, – прошептала косметолог, – и что же мы выбрали?

– Выбрали? – проговорила Дженни, глядя на ряды флаконов, бутылочек и тюбиков, спреев, баночек и щеточек. Здесь была даже полная инструкция по нанесению макияжа. Ее взгляд устремился к женщине. – Я не могу... – Она запнулась, ткнула в тушь для ресниц ценой в тридцать долларов и сказала: – Вот это!

Никто не был рад. Ни богиня косметики. Ни Дженни, чья последняя тушь обошлась ей в супермаркете в шесть долларов.

И стоило ли оно того? Самое время проверить.

Даже на едва освещенной парковке ее зеркальце подтвердило: Дженни выглядела иначе. Закрыв косметичку, она положила ее обратно в сумочку.

Ей понравился бар с горящей неоновой вывеской.

Выше среднего уровня? Нет. Тут полно грузовых пикапов. Она уже знала: пикап – такой же символ Техаса, как и ковбойские шляпы, только большинство из этих машин очень старые. Впрочем, Дженни заметила здесь и мотоциклы. Разве мотоциклам не полагается быть сексуальными?

А в окнах были видны неоновые вывески с пивом.

Ниже среднего уровня? Ну... Смотри с чем сравнивать. Честно говоря, это место как-то не располагало к себе.

«Это бар, – тихо заявил внутренний голос. – Ты сюда недвижимость покупать, что ли, приехала?»

Но все же был ли этот вариант подходящим? Она сверилась со своим планом.

А. Нужно место, куда стекаются холостяки. Она знала, что происходит в такого рода барах. Ладно, она слышала, что там происходит... В любом случае люди в них танцуют, веселятся, выпивают... и так далее.

Б. Нужно было сделать то, что она запланировала сделать, пока осень не сменила лето.

В. Пункта В не должно было быть, но сейчас он неожиданно появился.

Дженни вышла из машины. Закрывает дверцу, заперла ее. Открыла сумочку. Положила ключи внутрь. Закрывает сумочку. Повесила ее тонкий ремешок на плечо столь же тонкого изумрудно-зеленого шелкового платья, купленного в том же бутике, что и сумочка.

Если, конечно, можно назвать что-то, кончавшееся на середине бедер, платьем...

Девушки-студентки носят платья такой длины.

«Но ты уже не студентка, Дженни. И даже когда была ею, ты не носила ничего подобного».

Может, если бы носила, ей не пришлось бы заниматься всем этим сегодня. Не пришлось бы искать ответа на вопросы, которые уже поздно было задавать...

– Хватит! – прошептала она.

Настало время двигаться.

Она вдохнула, а затем пошла к входу в бар, то и дело спотыкаясь в своих туфлях на высоченных шпильках, купленных в комиссионном магазине.

Дженни необходимо было найти мужчину. Высокого. Широкоплечего. Крепкого, стройного и мускулистого. С темными волосами, темными глазами и прекрасным лицом.

«Ведь если ты собираешься лишиться девственности с незнакомцем, если уж он будет твоим Единственным и Неповторимым, – думала Дженни, пока держалась за ручку двери, – если уж он будет именно таким...»

Что это за музыка?

Было громко. Очень громко. Что это такое? Она понятия не имела. Отличить Моцарта от Чайковского – одно дело, но отличить рок от рока...

Она прикусила нижнюю губу. Может, она совершила ошибку?

Да, это место было далеко от университета. Это бар для холостяков? Или... как называют подобные заведения? Кабак? Местечко по соседству, где собираются, чтобы выпить?

И все-таки Дженни распахнула дверь.

Казалось, от музыки пульсировали стены и дрожал пол.

Пахло ужасно. Будто бы тестом, но не так приятно, и еще пригоревшим жиром.

А шум! Люди перекрикивали музыку. Казалось, их здесь сотни. Но это не так, но все же их было многовато... И почти все мужчины.

Некоторые были в кожаной одежде. Может, она ошиблась? Зашла в гей-бар...

Нет. Эти парни не геи. Они... Они были слишком непривлекательными. Много волос на лице. Много татуировок. Много животов, свисающих на грязные джинсы.

Здесь было и несколько женщин, но это не помогало. Эти женщины были... огромными. С огромными прическами. Огромными грудями. Огромными фигурами.

И все теперь смотрели на нее.

«Конечно же они смотрят, Женеваева. Именно это и делают мужчины, когда разодетая девушка входит в подобное место».

Господи, даже внутренний голос счел это ошибкой!

Комок подступил к горлу. Она хотела развернуться и немедленно выйти. Но было слишком поздно. К ней уже шел мужчина. Нет, не шел. Развязно шагал, если быть точным, уверенной, медленной походкой, которая более чем шла к его ленивой улыбке.

Темные глаза, волосы цвета черного кофе, густые и длиннее, чем должны быть волосы у мужчины. Ей неожиданно захотелось запустить в них ладони...

И он был высоким.

И высоким, и стройным, и мускулистым...

Она почти почувствовала резкие очертания мышц на его широких плечах, руках, груди...

Ее щеки вспыхнули.

Дженни оглядела его старые сапоги, обтрепанные джинсы и футболку, облегающую торс.

Их глаза встретились.

Она была высокой, но даже на шпильках ей пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Мужчина улыбнулся. И у Дженни пересохло во рту.

Он был бесподобен.

– Солнышко, – произнес он хриплым голосом, – что же ты так долго?

– Прости?

Его улыбка перешла в ухмылку. Разве могут быть ухмылки возбуждающими и сексуальными? О да!

– Если хорошо попросишь, – ответил он и затем, без всякого предупреждения, привлек ее к себе и поцеловал.

Глава 3

Трэвис любил девушек.

В постели, конечно. Секс был одним из лучших удовольствий жизни. Но они нравились ему и иначе.

Их запах. Их нежность. И эти улыбки, словно у Моны Лизы, способные заставить мужчину теряться в догадках часы или даже дни напролет.

В мужских спортивных раздевалках он узнал – некоторым мужчинам поцелуи кажутся лишь помехой на пути к самому главному.

Но не ему!

Поцелуи заслуживали много времени. Ему нравилось исследовать вкус, шелк губ, ощущать, как они отвечают его движениям.

Но сегодня все это не имело значения.

Хоть блондинка и была симпатичной, но поцелуем все и следовало закончить. Это всего лишь способ избежать драки, чтобы во Франкфурте не выглядеть так, будто провел десять раундов против завсегдатаев именно такого бара.

Если повезет, он справится с задачей.

В барах повсюду случались вещи куда невероятнее неожиданного, но вполне обычного поцелуя. Кроме того, девушка, выглядевшая так, пришедшая в подобное место, не могла быть глупа и невинна.

Трэвис мог предположить – она просто ищет кого-нибудь поэкзотичнее на ночь.

В любом случае он не был намерен давать ей или толпе вокруг достаточно времени, чтобы обдумать произошедшее.

Он ее поцелует, затем выведет на улицу, где и объяснит: это было всего лишь игрой. Заодно Трэвис поблагодарит за помощь и извинится за свой поступок... Ну, или, возможно, – всего лишь возможно! – она рассмеется вместе с ним и, кто знает, скрасит ему вечерок?

Итак...

Важнее всего было сразу поцеловать ее, так что Трэвис нацепил свою лучшую улыбку, ту самую, которая никогда не подводила его с девушками, прижался к ней, сомкнул ее в объятиях и...

Ее глаза округлились. Она уперлась ладонями в его грудь:

– Ты что вообще делаешь?!

Трэвис показал ей. Он поцеловал ее.

Примерно секунду он был уверен – план удался.

Да, конечно, девушка напряглась, сказала «ф-ф-ф» или что-то очень похожее, но это было нормально.

Она будто бы обезумела.

Приятно было бы думать, что она обезумела в его объятиях от удовольствия.

Но нет!

Она напоминала сестру Эм, которая как-то нагнулась подобрать компакт-диск, но вместо него вдруг обнаружила в своей ладони милейшего тарантула.

Блондинка в его объятиях дергалась как сумасшедшая. Колотила по его плечам кулачками. Повторяла «ф-ф-ф» снова и снова, снова и снова, снова...

Кто-то засмеялся. Кто-то спросил, что он творит.

Кто-то ответил:

– Да если б я знал!

И Трэвис понял: у него проблемы.

– Я не собираюсь причинять тебе боль, – прорычал он, едва отрываясь от поцелуя.

– Ф-ф-ф!

Она начала сопротивляться сильнее. Подняла ногу. Вонзила одну шпильку в его стопу. Ему чертовски повезло – он был в сапогах.

Трэвис прошептал ей в ухо:

– Леди. Послушайте. Я не...

Большая ошибка.

– Помогите! – завопила она или завопила бы: он уже увидел, как ее губы складываются в «по», так что какой у него был выбор?

И он поцеловал ее снова.

На этот раз она попыталась ударить его коленом. Он ожидал этого, а потому сумел увернуться, а затем прижаться к ней еще сильнее.

По бару прошел хохот.

– А леди и правда рада тебя видеть, ковбой! – прокричал человек-гора.

Все покатались со смеху.

Ладно. Настало время сменить тактику.

Трэвис запустил одну руку в светлые волосы, положил другую на ее поясницу и заставил девушку отклониться назад и потерять равновесие.

– Не сопротивляйся, – шептал он между поцелуями, – просто подыграй мне, и, клянусь, я тебя отпущу!

Никакого «ф-ф-ф» на этот раз. Один лишь вздох. И мягчайший, нежнейший шелест ее дыхания...

– Хорошая девочка, – прошептал Трэвис и прижался к ее губам сильнее.

Боже, какая же она сладкая!

Она была медовой, как лучи солнца нежным июньским утром, а как пахла! Словно цветы после теплого, летнего дождика.

Страсть, которую Трэвис еще никогда не ощущал так сильно, разлилась по его телу. Он будто горел.

Как и девушка. Она дрожала, постанывала. Она...

Господи!

Правда поразила его. Девушка не горела страстью, она была... в ужасе?

И она не начала отвечать на его поцелуи, просто прекратила им сопротивляться.

Да какая сволочь так поступит с девушкой! Испугает ее до чертиков лишь для того, чтобы спасти собственную шкуру?

И разом поездка во Франкфурт утратила все свое значение. Финансовый воротила Трэвис прежде всего был азартным игроком. Он терял деньги и до этого. Потеряет и сейчас.

Речь шла о миллионах.

Ну и что?

Он поднял голову. Посмотрел в ее глаза. И внутри его все перевернулось.

Она была бледна: цвет полностью сошел с ее лица. Дыхание было прерывисто. Он видел, как жилка на ее шее учащенно билась. Ее взгляд... Трэвис знал: теперь он будет преследовать его вечно. У нее были прекрасные глаза, но теперь они потемнели от страха...

– Ох, милая... – произнес он нежно.

Она покачала головой.

– Не надо, – начала она едва различимым шепотом, – пожалуйста, не надо...

Трэвис поцеловал ее снова, но мягко, сдержанно, его губы едва коснулись ее.

– Прости меня. Я не хотел тебя напугать.

Ропот недоумения прошелся по бару. Он возвращался к тому, с чего начал. Ну и наплевать! Наплевать на все, что могло произойти потом. Трэвис хотел лишь убрать гримасу ужаса с ее милого личика.

«Милое» – слишком блеклое слово.

Это облако шелковистых волос. Эти темно-синие глаза. Этот нежный, розовый ротик...

Но ее все еще трясло.

– Я не причиню тебе боль, – сказал Трэвис. – Я и не собирался этого делать. – Когда на ее лице отразилось недоверие, он покачал головой: – Это правда, милая. Дело не в тебе. Ты все не так поняла. – Он обнял ее лицо ладонями, немного приподняв его: так, чтобы она смотрела прямо ему в глаза. – Я нарвался на неприятности. Здесь, с некоторыми из парней.

– Еще бы! – прорычал Гора.

Трэвис услышал, как тот сплюнул на пол.

Блондинка посмотрела за его плечо, ее глаза округлились. Она снова взглянула на Трэвиса. Небольшие складочки появились между ее бровей.

– Я просто сказал им, что у меня здесь свидание...

– Агись, так и сказал! – вставил один из друзей человека-горы. – Но мы поняли – он врет. А мы с врунами поступаем по-своему.

Ропот одобрения последовал за его словами.

Блондинка снова посмотрела Трэвису за плечо. Понимание появилось в ее глазах.

– А потом, – продолжил Трэвис, проигнорировав их возгласы, – потом двери распахнулись и вошла ты. Всего один взгляд... И я понял: ты вошла сюда ради меня... Ты идеальна, и ты была той...

– Женщиной, которую ты ждал, – очень мягко закончила за него блондинка.

Он улыбнулся с легкой печалью в глазах, потому что теперь и думать не следовало о побеге. Единственной серьезной его проблемой сейчас была эта незнакомка: как защитить ее и вывести отсюда? Кем бы она ни была, она определенно оказалась не в том месте и не в то время.

– Именно так, милая. Ты женщина, которую я ждал, и...

Блондинка прижала пальчик к его губам.

– Конечно же ты меня ждал, – сказала она, повысив голос так, чтобы люди позади Трэвиса ее слышали. – Каким же надо быть глупым, чтобы решить, будто я уже и не приду! Я всего лишь немножко опоздала.

На этот раз настала очередь Трэвиса удивляться:

– Чего?..

– Я была зла, признаю. Та ссора на прошлой неделе? Из-за... Из-за того, что я подозревала, будто ты мне изменяешь... – Она улыбнулась. – Я была не права. Ты бы не стал мне изменять. Никогда!

– Э... Ну... Нет. То есть... Да. Я не стал бы. Изменять тебе. Никогда.

Она кивнула:

– Но я не могла просто это признать. – И она улыбнулась снова: то ли хитро, то ли невинно. – Такое поведение противоречит предписаниям генетически установленного института брачного обряда у человеческих особей.

Что?!

– Так что я решила заставить тебя ждать. Позволить тебе умерить свой пыл, понервничать, гадая, появлюсь ли я вообще.

Еще одна улыбка, на этот раз такая манящая и сексуальная, что у Трэвиса чуть было не подогнулись колени.

– И ты понервничал, разве нет? Не мог понять, в каком настроении я приду? И приду ли вообще?

Трэвис попытался ответить. Но ничего не получилось. Он прочистил горло и попытался еще раз:

– Да. Конечно. Именно так. Гадал о том, как ты себя поведешь...

– И реакция твоя была идеальна! В ход пошла вся твоя мужская генетика. Брутальность. Доминирование. Агрессия. Даже попытка пометить территорию.

Пометить территорию? Разве так говорят не о собаках, писающих на столбы?

– Я очень довольна – ты подтвердил основные положения моей работы.

– Твоей работы?

– Да, именно! Твоя реакция на мое появление, твоя реакция на более чем холодное приветствие...

За его спиной сгустился гул голосов. Люди шептались. Ухмылялись. Смеялись.

Самое время уходить.

Трэвис кивнул:

– Это замечательно! Просто потрясающе. Но я правда думаю, нам лучше обсудить все остальное снаружи...

– Почему это, дорогуша? – промурлыкала Блондинка. – Только не говори, будто ты не рад был принять участие в моем эксперименте!

Посетители ответили на это уже не просто смехом, а взрывом хохота.

«Да, самое время», – подумал Трэвис, натянув на себя улыбку, и взял блондинку под локоток, чтобы поскорее уйти.

Незнакомец, укравший ее поцелуй, увлек Дженни к двери.

Может, все уже зашло слишком далеко? Дженни ничего не могла прочитать на его лице.

Его взгляд был спокойным, даже немного ленивым. И слегка пугающим. Его губы искривились в фальшивой улыбке, и он отчаянно ее поторапливал.

Хоть Дженни и спасла его от избиения этими... этими дикарями из каменного века, она не могла позволить ему отделаться так просто. Он напугал ее чуть ли не до обморока, лапал ее, целовал, прижимал к своему телу.

И, да, она пришла сегодня именно за этим: за впечатлениями от мужчин, поцелуев, их мускулистых тел, но она хотела держать все под контролем и самой выбирать себе объект, подходящий для завершения исследований.

Мужчину в костюме. В должности. Кого-то, в ком можно заподозрить нежного любовника. А не помятого ковбоя в сапогах, футболке и старых джинсах.

«Хватит жаловаться! Ты хотела красавца, а он именно такой!»

Да. Но все же...

– Заходите еще! – крикнули вдогонку.

Хохот еще раз прокатился по бару.

Она почувствовала, как ковбой напрягся. Он взял ее за локоть так крепко, что ей стало больно.

– Эй, – начала она возмущенно, – эй...

Он открыл дверь, шагнул наружу, но ее руку не отпустил. Вместо этого потащил Дженни через парковку к исполинскому черному пикапу, стоящему возле ее «хонды».

– Мистер. Я не...

– Ты в порядке?

Дженни моргнула. В его голосе слышалась забота, чего она совсем не ожидала.

– Нет. Да. Вроде того...

– Еле ушли. Ты хорошо справилась, если не считать самого конца. – Он ухмыльнулся. – Захотелось подшутить надо мной? Не то чтобы я был против...

– Ты? Был против?! – Дженни вспыхнула от возмущения. – Послушайте, мистер...

– В общем, выбрались мы как раз вовремя.

Возмущение мгновенно уступило место замешательству.

– Вовремя? Да что там творилось?

– Это не так-то просто объяснить... – Ковбой улыбнулся. На этот раз вполне искренне. – Спасибо, что помогла выбраться из этой дыры.

– Ладно, ладно, не за что. Я просто не понимаю, что же...

– Да не стоит и говорить об этом! Недоразумение, не более.

И он снова улыбнулся. Сердце Дженни забилося сильнее. Он хоть представлял, насколько сексуальна его улыбка?

Ей срочно нужно было что-нибудь сказать.

Дженни судорожно сглотнула:

– Ты... Ты правда не имел права... права подойти ко мне и... и...

– И поцеловать тебя?

Она почувствовала, как краснеет.

– Да. Именно. Даже в наиболее сексуально раскрепощенных примитивных обществах существуют некие обряды, призванные выразить желание...

Его улыбка искривилась.

– Желание, говоришь...

Он посмотрел на нее так, что Дженни отступила на шаг. Или отступила бы, если бы не этот черный пикап за ее спиной.

– Забудь, – быстро добавила она. – Уже поздно, и я...

– Трэвис. Трэвис Уайлд.

Она уставилась на него:

– Прости?..

Он улыбнулся. Снова. И снова ее сердце застучало сильнее.

– Мое имя, – ответил он низким, хрипловатым голосом. – Я представился. Теперь я действую по протоколу, разве не так?

– Да, но...

– А тебя зовут?.. Я могу звать тебя Блондинкой. – Он вытянул руку, поймав прядь ее волос, чтобы насладиться их шелковистостью. – Или девочкой из бутика.

– Что?! – Дженни осмотрела себя. – Неужели ценник где-то остался?..

– Ты просто так выглядишь, – мягко добавил он. – Будто бы вышла со страниц торговых каталогов. С рождественских каталогов. В них самые красивые девушки.

Его голос будто гладил ее, а глаза словно прожигали насквозь.

Он был... Он был именно тем, кого она искала, кого надеялась повстречать...

– Но я бы предпочел звать тебя настоящим именем, если ты мне его сообщишь.

– Меня зовут Джен... Женестьева, – прошептала она. – Меня зовут Женестьева.

– Ну что же, Женестьева, ты сегодня совершила огромную глупость.

Боже, она снова почувствовала, как краснеет.

– Слушайте внимательно, мистер Уиллс...

– Уайлд. Трэвис Уайлд.

– Слушайте внимательно, мистер Уайлд! Я позволила поцеловать себя, когда поняла: вас бы убили, если бы я отказалась.

Он усмехнулся:

– Нет, я говорю о другом. Тебе не следовало посещать этот бар. Ты хоть представляешь, что за люди собираются в таких заведениях?

– Я... я... – Дженни судорожно вздохнула. – Нет.

– Так я и думал. Но мне повезло, что ты зашла.

– Совершенно точно. – Она задрала подбородок. – Или ты стал бы очередным грязным пятном на и без того грязном полу.

Он оскалился:

– Зато счастливым пятном!

– Как это типично! Мужчины с их вечным стремлением доминировать...

– Мужчины с их вечным стремлением сохранить лицо, – объяснил Трэвис. – Обычно-то мне плевать, но на понедельник у меня кое-что важное запланировано, и меньше всего мне бы хотелось выглядеть заслуженным победителем кулачного поединка.

– Ты не смог бы победить. Их было слишком много.

– Да, разумеется, смог бы, – просто сказал Трэвис, и она сразу поняла: он серьезен.

Дрожь прошла по ее телу.

Сегодня Дженни искала себе мужчину. И нашла его. Он был... Он превосходил ее ожидания. Он был более красивым. Более сексуальным. Более мужественным.

«И более желанным, чем все те, кого ты когда-либо встречала», – промурлыкал ее внутренний голос.

– Ладно, – попыталась произнести она с расстановкой, – это было... Это было интересно, мистер Уайлд. Теперь, если вы не против...

– Так что там с протоколом? – спросил он низким, хриловатым голосом. – Мы закончили с ним?

– С чем?

– С протоколом. С правилами знакомства, предшествующими всякой близости.

Девушка, назвавшаяся Женеви́евой, покраснела.

Снова. Она часто смущалась. И Трэвису это нравилось.

Становятся ли ее щеки и грудь такими же нежно-розовыми во время секса? Смотрит ли она теми же глазами: темными, округлившимися, но полными страсти, а не смущения?

Весь остальной мир интересовал Трэвиса меньше, чем ответ на эти вопросы.

– Если протоколы соблюдены, – начал он, придвигаясь к ней ближе, упираясь ладонями в крышу пикапа так, что Дженни оказалась в плену его рук, – мне бы хотелось пойти дальше.

– Что ты имеешь?.. О чем ты?..

Он посмотрел ей прямо в глаза. Посмотрел на ее губы. Дал ей пару секунд для обдумывания происходящего.

– Нет, – прошептала она.

– Да, – сказал он и медленно, очень медленно опустил голову и поцеловал ее.

Ее губы раскрылись. Его язык скользнул внутрь. Сердце выпрыгивало из груди. Его вкус, его тепло внутри ее рта...

«Боже мой, – подумала она. – Боже мой!»

Его руки обхватили ее. И тогда Дженни обхватила его шею. Прижалась к нему.

Обняв ее за талию, Трэвис поднял ее. Он медленно поцеловал Дженни, слегка кусая ее за губы...

Сводящее с ума желание поразило ее тело.

– Прекрати, – прошептала она, но он не послушал ее.

Лишь медленно опустил на тротуар.

«Не останавливайся», – думала она.

Он не останавливался, только обнял крепче. Положив руки на ее бедра, плотно прижал к себе, позволяя оценить свое возбуждение.

Теперь он касался ее груди, с мучительной медлительностью играя пальцами с ее сосками.

– Что, – шептала она, сбив дыхание, – что ты делаешь?

Он засмеялся так хрипло, так возбуждающе, что Дженни почти застонала в ответ.

– А на что это похоже?

Она судорожно сглотнула:

– Это похоже... Похоже, будто ты хочешь заняться со мной любовью.

– Хорошо. – И он поцеловал ее в шею. – Потому что именно этим я и хочу заняться, Женевьева. Именно этим я и собираюсь заняться.

Он поцеловал ее между шеей и плечом.

Это было волшебно...

Дженни закрыла глаза, и мир вокруг закружился.

И когда он попросил поехать с ним, она дала единственный логичный ответ, потому что Дженни прежде всего была человеком логичным.

Она ответила:

– Да.

Глава 4

Светофор впереди уже переключился с желтого на зеленый, и Трэвис рванул вперед. Осталось всего лишь несколько кварталов.

Женевьева молчала. Она ни слова не произнесла, как они сели в машину.

Он взглянул на нее. Она сидела выпрямившись, глядя строго перед собой, сложив ладони на коленях.

Ее руки дрожали.

Неужели она передумала?

– Эй, – произнес он мягко.

Она взглянула на него, затем отвернулась. Он потянулся к ней и взял за руку. Ее кожа была ледяной.

Она напугана? Но на парковке Женевьева недвусмысленно отвечала на его ласки. Он положил свою ладонь поверх ее, дождался, пока ее рука расслабится, и притянул к себе.

– Мы почти приехали.

Она кивнула и закусила нижнюю губу.

– Я живу на Тертл-Крик. Возле парка Ли.

Женевьева не ответила. Да и зачем было отвечать?

Он не риелтор, везущий клиента на просмотр очередной квартиры. Если бы она хоть что-нибудь сказала...

И как получилось, что он вез ее к себе?

Трэвис не был любителем приглашать девушек к себе домой. Не то чтобы она была его девушкой...

Да зачем он вообще все так усложнял?

Трэвис прокашлялся:

– Ты уже... Ты бы не хотела где-нибудь сначала остановиться? Выпить вместе? Или поужинать?

Она уставилась на него. Да и почему бы ей не устать? Он знал, и она знала, чем они собираются заниматься, а теперь, посреди дороги, он вдруг решил остановиться поужинать.

Так и есть!

Он улыбнулся:

– Я только что понял: мы пропустили ту часть с вопросами, как у кого дела, ну и прочее. Так что, если ты не против остановиться у какого-нибудь ресторана...

Она слегка облизнула губы. Трэвис мгновенно напрягся, заметив это.

– Нет, – ответила Женевьева тихо, но четко.

Она хотела его так же сильно, как он ее.

Его квартира была уже совсем неподалеку.

Он сбавил скорость. Взял пульт и открыл гаражные двери. Заехал внутрь. Закрыл гаражные двери.

И, не в силах больше ждать, Трэвис отстегнул свой ремень безопасности, отстегнул ремень девушки и обнял ее.

– Женевьева, – сказал он и поднял ее лицо.

Ее губы раскрылись, и они поцеловались.

Все так же страстно, как было на парковке.

Поцелуй, ее губы, биение его сердца...

Он не мог вспомнить, чтобы до этого ощущал столь же сильное желание.

Сперва ему показалось, что это не было взаимно. Она не шевелилась, не отвечала... Но затем стон вырвался из ее груди, и она прижалась к нему.

«Сейчас», – подумал Трэвис.

Прямо сейчас! Прямо здесь!

Нет, это исключено. Стоило начать – и они уже не смогли бы добраться до кровати. Но ему нужно было прикоснуться к ней. Немедленно.

Юбка едва прикрывала ее бедра, и он скользнул ладонью под ткань, наслаждаясь теплом ее тела.

– Подожди, – прошептала Женестьева, но он не мог ждать.

Не мог... можно было начать хотя бы с этого! Господи, да хотя бы с этого – оставить руку между ее ног, положить ладонь на шелковые трусики...

Она застонала сладко и прерывисто:

– Трэвис.

Впервые она произнесла его имя. И то, как она его произнесла, то, как горячая влага пропитала ее трусики, почти свело его с ума.

Он впился в ее рот губами, проскользнув языком внутрь рта. Она постанывала, зарывала ладони в его волосы. Трэвис отодвинул ее трусики в сторону, погладил...

Ее стоны были нежными и едва различимыми.

Если он не остановится сейчас, будет слишком поздно.

Быстрый последний поцелуй. Затем Трэвис выпрыгнул из машины, зашел со стороны пассажирского сиденья, взял Женестьеву на руки, поймав ее губы поцелуем, и отнес к лифту, ведущему в его пентхаус.

Поставив ее на пол, он открыл двери лифта карточкой. Они вошли в кабину, и Трэвис взял ее лицо в ладони.

– Не бойся, – произнес он хриловатым голосом, хоть и не знал, что заставило его сказать это.

Что-то в ней присутствовало... Ее нерешительность...

– Я не боюсь, – прошептала Дженни.

Но это было ложью. Такой же вопиющей, как ее нежелание говорить ему, почему же она поехала с ним.

Ну хорошо. Это не было ложью.

Этот мужчина заставил ее чувствовать то, чего она совершенно не ожидала.

Ладно, она ожидала этого, но исключительно в рамках... В рамках исследовательского проекта.

Именно так Дженни и думала об этом с самого начала. Такой проект у нее был, так она его запланировала.

Но как Трэвис поступит, если узнает?.. Вернее, как он поступит, если узнает все остальное? Если узнает правду: он ее первый мужчина?..

И вероятнее всего последний?..

Но сейчас... Сейчас все это не имело значения.

Значение имели лишь его поцелуи, его прикосновения. То, как он целовал ее прямо сейчас. То, что она ощущала, прижавшись к его животу.

Кажется, он огромен.

Разве она сможет с ним справиться?..

Дженни читала научные статьи, смотрела научные фильмы. Социологи и психологи должны были просматривать их часами. Большинство людей понятия не имеют, насколько подробны эти фильмы...

И теперь Дженни буквально тонула в его страсти. В обещании всей этой мужской силы.

Теперь Трэвис целовал ее грудь. Он слегка поцеловал ее соски через шелковую ткань платья, и они немедленно отвердели.

Дженни застонала, когда он начал стягивать с нее платье. Его губы сомкнулись вокруг соска, но между ее плотью и его ртом оставался шелк ее лифчика. Ощущений от его губ и зубов не было достаточно.

И их было слишком много...

Разве это возможно одновременно?

Трэвис взял ее за плечи и нежно повернул так, что она оказалась к нему спиной. Ее волосы растрепались, и он отвел их в сторону, целуя нежную шею.

Она слышала, как расстегнулось ее платье.

– Стой, – выдохнула она, – кто-то может...

– Это мой личный лифт, – произнес он своим грубоватым, сексуальным, мягким, но обжигающим шепотом. – Мы здесь совсем одни.

Дженни вздрогнула.

«Совсем одни», – думала она, пока ее платье скользнуло по ногам и упало на пол.

«Совсем одни», – думала она, пока он покрывал поцелуями ее спину.

«Совсем одни», – думала она, когда Трэвис повернул ее к себе.

Она была в черном лифчике, черных шелковых трусиках, в черных чулках и красных туфельках на шпильках.

Трэвис пожирал ее глазами. Медленно, очень медленно тепло разлилось по ее телу. Она ощутила это тепло в груди, внизу живота, в ногах.

Он поднял взгляд, и их глаза встретились.

То, что таилось в его глубоких темных глазах, заставило ее ноги подкоситься.

Она подняла руки. Одна оказалась на ее груди. Вторая двигалась вдоль бедер. Но он взял ее за запястья, поднес ладони к лицу и поцеловал их.

– Не прячься от меня, Женестьева, я хочу любоваться тобой. Ты прекрасна. Ты невероятно прекрасна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.